

УДК 821.5

DOI 10.30914/2072-6783-2025-19-3-368-377

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФЕНОМЕН АНТОНИНЫ КЫМЫТВАЛЬ: ЭТНОГЕНДЕРНЫЙ РАКУРС**А. А. Арзамазов^{1,2}**¹Казанский научный центр РАН, г. Казань, Российская Федерация²Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Исследование литератур народов России представляет значительный интерес для самых разных областей гуманитарного знания. На общем фоне генетически, типологически разнообразных литературно-художественных традиций выделяются литературы народов Крайнего Севера и Дальнего Востока. Речь идет преимущественно о литературах миноритарных народов, в основе которых – уникально-подлинная этнокультурная выразительность, «ускоренное развитие» национальных языков. Чукотская литература занимает особое местоположение в системе литератур циркумполярной зоны. В ее истории были знаменитые писатели (Ю. Рытхэу), чукотский и русский языки примерно в равной степени функционируют в качестве инструментов письма, значительную роль в становлении чукотской словесности сыграли женщины. Творчество одной из них – Антонины Кымытваль – исследуется в данной статье. **Материалы и методы.** В статье применяется комплекс литературоведческих методов анализа художественного текста (мотивный метод, герменевтический метод, структурно-описательный метод, культурно-исторический метод). Материалом исследования послужили стихотворные произведения Антонины Кымытваль, вошедшие в книгу «Полярная муза». **Результаты исследования, обсуждения.** В статье предпринята попытка проанализировать художественные особенности произведений А. Кымытваль, выявлены основные мотивно-образные комплексы, проявлены ключевые в ее творческой концепции психологические контексты, аналитически подчеркнута этнокультурная составляющая художественного дискурса. **Заключение.** Осуществлено комплексное рассмотрение поэтического творчества А. Кымытваль с учетом его этногендерной природы.

Ключевые слова: миноритарная литература, поэзия, мотив, образная система, художественный перевод, этническая идентичность, психологический контекст

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Арзамазов А. А. Художественный феномен Антонины Кымытваль: этногендерный ракурс // Вестник Марийского государственного университета. 2025. Т. 19. № 3. С. 368–377. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2025-19-3-368-377>

THE ARTISTIC PHENOMENON OF ANTONINA KYMYTVAL: AN ETHNO-GENDER PERSPECTIVE**A. A. Arzamazov^{1,2}**¹Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation²Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

Abstract. Introduction. The study of the literatures of the peoples of Russia is of interest to various fields of humanitarian knowledge. The literatures of the peoples of the Far North and the Far East stand out against the general background of genetically and typologically diverse literary and artistic traditions. We are talking primarily about the literature of minority peoples, which are based on unique, authentic ethnocultural expressiveness and the “accelerated development” of national languages. Chukchi literature occupies a special position in the system of literatures of the circumpolar zone. Its history includes famous writers (Yu. Rytcheu), the Chukchi and Russian languages function approximately equally as writing instruments, and women played a significant role in the development of Chukchi literature. The work of one of them, Antonina Kymytval, is explored in this study. **Materials and methods.** The article uses a set of literary methods for analyzing a fiction text (motivic method, hermeneutic method, structural-descriptive method, cultural-historical method). The research material was based on the poetic works of Antonina Kymytval, included in the book “Polar Muse”. **Results, discussions.** The article analyzes the artistic features of A. Kymytval's works, identifies the main motives and images, reveals the key psychological contexts in her creative concept, and emphasizes the ethnocultural component of artistic discourse. **Conclusion.** A comprehensive examination of the poetic work of A. Kymytval is carried out, taking into account its ethno-gender nature.

Keywords: minority literature, poetry, motif, figurative system, artistic translation, ethnic identity, psychological context

The author declares no conflict of interest.

For citation: *Arzamazov A. A.* The artistic phenomenon of Antonina Kymytval: an ethno-gender perspective. *Vestnik of the Mari State University*, 2025, vol. 19, no. 3, pp. 368–377. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2025-19-3-368-377>

Введение

В начале XXI столетия становится все более очевидным, что многофакторное гуманитарное исследование этнокультурного многообразия России должно стать одним из приоритетных направлений отечественной науки. В последнее время большое внимание уделяется изучению контекстов развития национальных литератур, представляющих значительный интерес своими разнообразными гранями, уровнями (речь прежде всего идет о стадияльно-типологических, языковых, образно-изобразительных, жанрово-стилистических особенностях). Среди наиболее актуальных научно-исследовательских вопросов, задач – обращение к литературам миноритарных народов, в основе которых – исчезающий язык, высокая степень этнографической подлинности. К этой когорте относятся литературы Крайнего Севера и Дальнего Востока. На фоне «малых» литератур обозначенной культурно-региональной зоны особенно выделяется чукотская словесность, которая в целом лучше известна широкому русскоязычному читателю. По всей видимости, данное обстоятельство обусловлено месторасположением Чукотки, которая не просто один из предельно отдаленных этнически самобытных регионов страны. Это важный циркумполярный «водораздел», граница: с цивилизационного берега Чукотки посвященным приоткрывается американско-эскимосско-индейский берег.

Принято считать, что чукотская литература прозвучала благодаря феномену Юрия Рытхэу, которого, как и Владимира Санги, Ювана Шесталова, Еремея Айпина, неведомые широкой обществу советские чиновники от культуры вознесли на олимп многонациональной словесности СССР. Литературному успеху чукотского классика способствовал переход с чукотского на русский: эта стратегия в советских художественных реалиях нередко срабатывала (в этой связи нельзя не упомянуть Чингиза Айтматова). Вместе с тем чукотская литература не исчерпывается

творческим наследием Ю. Рытхэу. Значимую роль в формировании чукотской литературы, чукотского литературного языка сыграла поэзия *Антонины Александровны Кымытваль*.

Цель исследования – рассмотреть художественные особенности поэзии чукотского автора Антонины Кымытваль, представленные в переводах на русский язык.

Материалы и методы

В статье применяется комплекс литературоведческих методов анализа художественного текста (мотивный метод, герменевтический метод, структурно-описательный метод, культурно-исторический метод). Материалом исследования послужили стихотворные произведения Антонины Кымытваль, вошедшие в книгу «Полярная муза»¹.

Тексты А. Кымытваль, составляющие золотой фонд национальной литературы, проанализированы с учетом теоретически актуальных научных работ, посвященных проблемам развития литератур народов России [1, с. 232–247; 2; 3, с. 6–19; 4; 5, с. 196–202; 6, с. 462–474; 7; 8, с. 469–481; 9; 10; 11, с. 88–103; 12; 13; 14; 15; 16].

Результаты исследования, обсуждения

Стихотворные тексты Антонины Кымытваль, как правило, отличаются большими размерами и представляют собой развернутые женские монологи, нередко – драматические психологические истории, полные эмоций, потрясений, вопросов, обращенных к себе.

Антонина Кымытваль в своем «взрослом» творчестве значительное место отводит детям. Они в данном случае не столько самостоятельные герои, сколько адресаты внутренних посланий лирического «Я». Их действия, жизненные события сокрыты

¹ Кымытваль А. А. Полярная муза. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1987. 192 с. Далее ссылки в тексте на это издание будут даны в круглых скобках с указанием страницы.

от реципиента. На первом плане – монолог матери, пронизанный беспокойством и тревожным предчувствием. Дети – одна из основных составляющих женской идентичности лирической героини А. Кымытваль. В стихотворении «Лучик солнца» (с. 20–21) разыгрывается ситуация болезни и выздоровления ребенка. За короткий промежуток времени переживаются горе и радость, жизнь детей воспринимается как наивысшая ценность. Автор вновь поэтически создает контекст опасности, нагнетает атмосферу беды. На этом драматическом фоне «проверяются» подлинные жизненные цели человека, лирическим субъектом осознается свое предназначение. Мотив болезни ребенка явлен в стихотворном тексте «Любаве» (с. 23–25). Мать обращается к дочери, рассказывает ей о своих сильных переживаниях из-за ее возможной смерти, показывает на седые волосы. Ретроспективный фокус повествования нужен в первую очередь самой матери: она стремится вновь пережить чудо исцеления, ощутить собственную материнскую значимость, необходимость своему чаду. Если два упомянутых текста представляют интерес прежде всего в психологическом ключе, то произведение «Колокольчик» (с. 22) привлекает внимание переходом автора с образно-понятийной системы мира взрослых на язык детей. В целом Антонина Кымытваль своими детскими произведениями внесла значительный вклад в национальную чукотскую словесность.

Одна из основ художественного мира А. Кымытваль – лирический дискурс воспоминаний. Автор, «перелистывая» события своего очевидного прошлого (прошлого других близких, знакомых людей), создает тексты с высокой степенью психологической достоверности. Главное переживание лирической героини связано с тем, что жизнь очень быстро проходит, человеку же суждено жить в предчувствии расставаний. Поэтические тексты воспоминания у Кымытваль характеризуются смешением временных пластов: прошедшее накладывается на настоящее, ушедшие возрождаются в памяти. В стихотворении «Птице конверт мой» героиня посредством сна возвращается в прошлое, явленное прежде всего как зримая реальность: *«Видятся мне ваши лица, / Долго смотрю в темноту. / Ночью мне снова приснится, / Как выбирают кету... / Видятся – ведь не смешно вам? – / Ночи Чукотки вдали: /*

Тьма, словно в пологе новом, / Если там свет не зажгли...» (с. 26, перевод Р. Добровенского). Лирический субъект Антонины Кымытваль всегда очень тяжело переживает разлуку с родным краем, постоянно пребывает в состоянии «внутренней визуализации».

У Антонины Кымытваль сложился специфический словарь лирического воспоминания, состоящий из предикатов «помнить», «виднеться», «вспомнить», «вернуться», «спуститься», «прийти» и др.

Ситуация воспоминания осуществляется при помощи сна, который в творчестве чукотской поэтессы становится знаковым хронотопом, связующим этот и тот миры. Частая лирическая актуализация континуума сновидений объясняется как психологической концентрированностью художественного мировоззрения чукотского автора, так и связанностью его миротекстов с духовной культурой своего народа, в которой сон воплощает собой пространственно-временное перекрестье, символизирует пограничное состояние человека. Сны в поэтических произведениях А. Кымытваль могут переносить в прошлое, смягчать тяжелое ощущение действительности, дают понять, что счастливая, гармоничная любовь возможна: *«И только сон / В полночный час / Приносит нам весну иную – / Ту, что уже / Прошла...»* (с. 72, перевод А. Черевченко); *«О, как я счастлива – во сне, – / Когда молчит он и волнуется, / И притрагивает вдруг ко мне...»* (с. 73, перевод А. Черевченко).

Светлым снам противопоставлены темные, приносящие тревогу, боль. В стихотворении «Сон» лирической героине снится расставание с любимым мужем: *«Мне часто сон один и тот же снится: / Как будто жизнь мне стала не мила. / Я на себя сумела рассердиться – / И, хлопнув дверью, навсегда ушла. / Ушла. А дождик мелкий-мелкий сеется. / Обида жжет... / И вот проснусь от ужаса в поту / И думаю я, глядя в темноту: / Откуда этот сон ко мне приходит? / Не виновата ль в чем я пред тобою, / Перед моей единственной любовью?»* (с. 91–92, перевод Р. Добровенского).

По-видимому, в таких сложных для восприятия, отстраненной интерпретации снах обыгрываются, «просматриваются» ситуации, которые пугают больше всего. Это сценарии возможного, подсознательно проявляющие себя. Вероятно,

лирическая героиня – верная, любящая жена – примеряет на себя иные модели поведения, роли. Речь может идти о неочевидных, неосознанных решениях. Рассматриваемый сюжет показывает, насколько психологически насыщенной может быть чукотская женская лирика. А. Кымытваль в таких отчасти провокативных с точки зрения советской художественной аксиологии текстах демонстрирует неудобные стороны семейной коммуникации, «подводные течения» женского характера. Автор уходит от поэтического изображения однотипных, психологически «примитивизированных» персонажей. Ее привлекает подлинно сложная драматургия любовных взаимоотношений.

У каждого поэта, писателя существует особая группа образов, набор символических кодов, к которым он регулярно возвращается. Часто это релевантные в системе этнокультуры слова, представления, удобные для многомерной художественной апробации и выражения этнического своеобразия традиции. В поэтическом универсуме Антонины Кымытваль к наиболее часто употребляемым образно-лирическим символам относится концепт сердца (**лиңлиң**). В его стихотворной актуализации задействуются как смысловые контексты фольклорно-мифологической картины мира чукчей, так и различные эмоционально-психологические реалии, стереотипы, принятые в литературе, мировой культуре.

Сердце в художественном мире А. Кымытваль отвечает за самые разные переживания (преимущественно – отрицательные), выступает своеобразным эпицентром страдания, боли, раскаяния, разочарования, смирения, волнения, сопереживания. Чтобы продемонстрировать широту поэтического привлечения символа сердца приведем некоторые сюжетно-ситуативные вариации: «Бедняга, каково же ей пришлось, / Какая боль взяла ее в тиски, / Как сердце птичье не разорвалось / От ужаса, тревоги и тоски?!» (с. 19, перевод Р. Добровенского); «Сердце птицею подбитой / Трепетно забьется...» (с. 18, перевод В. Португалова); «Сердце стонет, сердце тужит – / Разорвись на части!» (с. 18, перевод В. Португалова); «Будто в груди моей / Сердце нашарили, / Рвут его злобные / Руки шершавые...» (с. 23, перевод Р. Добровенского); «Если ты упустишь / мгновение – / Сердце не простит...» (с. 88, перевод А. Черевченко).

В переводах стихотворений А. Кымытваль на русский воспроизводятся отдельные элементы чукотского языка. Как правило, это консенсус автора и переводчика – первому важно обозначить свои этнокультурные истоки, второму – придать переводимому стихотворению особый этноспецифический колорит. Присутствие в структуре текста чукотской языковой компоненты прежде всего – маркер «своего»: «Спасибо, что опять я слышу: / «О, ты пришла! / Ты возвратилась! / Этти!» (с. 26, перевод А. Черевченко); «Не пускали нас ветра, / Было много вьюг опасных! / А мын этти, тумгытум! / Пора начинать веселый праздник!» (с. 45, перевод А. Черевченко); «Загрущу, / Вспомню голос твой, взгляд, / То прямой, как тугой майголят, / То еристый, как серый ватап, / То покорный, как белый кочап...» (с. 82, перевод М. Эдидович). Чукотские языковые вкрапления в стихах А. Кымытваль представлены как единичными лексемами, так и целыми фразами, «вторгающимися» в художественно-семантическое поле русского языка.

В поэтической системе А. Кымытваль достаточно широкое распространение получают растительные, орнитоморфные символы.

Некоторые деревья, цветы у поэтессы ассоциативно перекликаются с людьми. Так, скромный, неброский тундровый цветок **пъупук** сравнивается с чукотскими девушками, их жизненной программой: «Чукчанка как пъупук, / Цветок неповторимый, / Похожа суть ее недолгой красоты: / Чтоб среди всех других узнал ее любимый, / И дети чтоб росли – прекрасные цветы» (с. 42, перевод А. Черевченко).

Людей напоминают растущие на сопках лиственницы: «Деревья пляшут / Молча круглый год – / Они смешной, / Но истинный народ. / Они – как люди. / Эти вот вдвоем / Над затаенным шепчутся ручьем... / А эти, чтобы облегчить свой путь, / Тебе готовы / руку протянуть...» (с. 40, перевод А. Черевченко).

Подобное образно-ассоциативное отождествление как важный художественный прием часто встречается в творчестве национальных писателей Крайнего Севера и Дальнего Востока. Деревья, растения, птицы, животные, люди – взаимосвязанные элементы единой природной вселенной.

Одно из излюбленных образных сопоставлений Антонины Кымытваль – ассоциирование женщин и птиц. Их объединяет серия состояний,

психологических реакций – томительное ожидание любимого, тоска по ушедшему, неслучившемуся: *«Тревогой стекая / С обветренных скал, / Крича и стеной / Растерянно, / Мечется чайчья / Отчаянная тоска / Вдоль опустевшего / Берега... / Но падает чайка / С крыла на крыло. / И вот уже около месяца / Призывный голос ее / Тяжело / Между камнями мечется...»* (с. 34–35, перевод А. Пчелкина).

Ассоциативная переключка женщина = птица, как правило, актуализируется в любовных, меланхолическо-депрессивных стихотворениях. Птицы, умеющие летать, знаменуют собой внутреннюю свободу, независимость. Этих качеств, ощущений очень не хватает лирической героине, пребывающей в поисках верного, освобождающего от изматывающей действительности решения: *«Смотрю на растворенное окно. / Пичугам зерна в клетке надоели, / Окно открыто – птицы улетели, / Мне полететь за ними не дано. / Печальнее не видела я дней, / Бесплоднее и горше / не жила я...»* (с. 43, перевод М. Эдидович). В цитируемых строках символическую значимость принимает образ окна. Это не просто очерченная граница между внутренним пространством и внешним миром, но и между действительным и желаемым, между прошлым и будущим, старой и новой жизнью.

К группе широко представленных в поэтическом творчестве Антонины Кымытваль психологически акцентированных мотивов относится мотив мглы / тумана. Туман в стихотворении *«Над проливом Лонга»* символизирует запутанность, неочевидность любовного чувства: *«Там, внизу, две льдины. То не мы ли / Тянемся друг к другу сквозь туман?»* (с. 88, перевод А. Червченко).

Преобразование людей в льдины обусловлено сложным опытом прошлого, травмирующими и одновременно закаляющими разочарованиями. Туман – символ экзистенциального, эмоционального груза, «обостряющего» существование лирических субъектов. Мгла в стихотворении *«Пора нам свидетелься, хороший»* (с. 106) не помеха любовному сближению, она, напротив, прячет мир двоих от бед, неожиданных вторжений чужих.

Мгла, туман фигурируют в стихотворении *«Туман»*. Данные атмосферные явления отрывают заброшенный в тундре поселок от большой земли, вынуждают лирическую героиню остаться

наедине с собой, погружают ее в состояние измучившей саморефлексии. Ей начинает казаться, что одиночество, серость будней пришли навсегда. Мгла, туман усиливают ощущение безвыходности ее жизненного положения, становятся символом потери веры в любовь: *«Вечный туман – / Хоть бесись, хоть молись, / Млечный туман над поселком повис. / Плохи дела – мгла. / Сердце тоскует... / С сопки по склонам струится туман. / В каждом распадке клубится туман. / В сердце вошла мгла. / Не суди за обман: / Любовь – это мгла, / Вечный туман...»* (с. 102–103, перевод А. Червченко).

Туман в произведении *«Письма твои затерялись в пути»* становится образным эквивалентом возникшего между женщиной и мужчиной психологического расстояния: *«Ну а теперь между нами темно: / Это туманы пришли и снега, / Это бушует большая пурга...»* (с. 112, перевод Л. Миланича).

Многие процитированные выше стихотворения свидетельствуют о том, что одно из центральных мест в художественной системе Антонины Кымытваль занимают тема любви, поэтическое изображение многомерного психологического мира женщины. Следует подчеркнуть, что творчество чукотской поэтессы выделяется на фоне произведений большинства национальных писателей Крайнего Севера и Дальнего Востока достаточно сложными и разнообразными психологическими контекстами, декларируемой откровенностью неудобного, непривычностью реакций, действий женских персонажей. Складывается впечатление, что А. Кымытваль в своих гендерно выразительных стихах перешла определенные границы дозволенного. Она смогла творчески передать табуируемые чукотским традиционным этикетом и советской идеологизированной действительностью важные и выигрышные с литературно-художественной точки зрения личностные переживания, отважилась показать нестандартные для национальных вариаций соцреализма поступки, чувственные колебания, порой провокационные решения женского «Я». В этом смысле чукотская литература в лице А. Кымытваль оказалась значительно более современной и правдивой, чем многие другие в историко-культурном аспекте более развитые и репрезентативные литературные традиции народов СССР.

В любовных стихотворениях Антонины Кымытваль неоднократно затрагивается тема запретной, греховной связи, случайно-мимолетней страсти, от которой не получилось уйти, отказаться. Этот «сполох» не проходит для лирического субъекта бесследно. Начинаются терзания, обостряется чувство вины, вместо гармонии, радости – пустота и саморазоблачение: «*Случается в жизни такое – / Сама не поймешь ничего: / Встречаешься с чьей-то тоскою / И тешишься лаской мужскою, / Хоть вовсе не любишь его. / Глаза остаются пустыми, / По чуждому лику скользя. / Но ты остаешься с постылым, / Хоть знаешь, что это постыдно, / Что этого делать нельзя...*» (с. 92, перевод А. Черевченко).

В объятия чужого мужчины лирическую героиню бросает безответная любовь, осложненная возрастным и социальным несовпадением. При этом исповедь женщины ведется от «Ты»-лица, тем самым очерчивается дистанция между участником любовной драмы и субъектом осмысления. Лирический персонаж как бы смотрит на себя, свои поступки со стороны. В структуре стихотворения повышенную семантическую значимость приобретает частица «не»: «*Да, ты без особой опаски / Сжигаешь чужие сердца, / Отнюдь не пугаясь огласки, / Приемля ненужные ласки, / Вселяя надежду в юнца... / Идешь ты по краю обрыва, / Беспечно платок теребя, / Чтоб боль перенести терпеливо, / В глаза посмотреть горделиво, / Тому, кто не любит тебя...*» (с. 93, перевод А. Черевченко).

Женщина в стихотворениях Антонины Кымытваль озабочена своим личным статусом в системе любовных взаимоотношений. Положение не-жены ожидаемо воспринимается как мучительное испытание, наказание, расплата за прошлое. И вместе с тем ощущение нелегальности такой коммуникации приносит лирической героине определенное мазохистское наслаждение. Любовнице доступны те оттенки переживания, изысканные психологические страдания-удовольствия, часто неведомые законной жене. В рассматриваемом тексте вновь употребляется частица «не», как бы подчеркивающая неправильность происходящего и передающая оттенки сложного темперамента женской индивидуальности: «*Не жена, не жена, не жена! / Но нежна, / И молву ненавижу. / Полюбила тебя / И предвижу / Сладость муки, / Что мне суждена. / Не жена я тебе, / Не жена... / Но приди, / Пора-*

зи пересуды. / В жар бросает меня / До остуды, / До простуды – / А вдруг не нужна... / Не жена я тебе, / Но не раз / Вспомнишь узкой ступни моей след...» (с. 95, перевод М. Эдидовича).

Любовь в творчестве А. Кымытваль часто – живая реальность воспоминания, «эхо» сновидений. Этот эмоциональный груз одновременно давит и вдохновляет, вынуждает героиню существовать в виртуальном, ограничивающем движение жизни континууме прошлого: «*О небо, я твоя должница, / Но снизойди к моим стенаньям: / С тоскою всматриваюсь в лица, / Любимый мне все время снится, / Я жить должна воспоминаньем...*» (с. 97, перевод М. Эдидовича).

Экспрессивные реплики с «не», соотнесенность природы и любовных переживаний имеют место в стихотворении «Не жди его». В данном случае используются смысловые возможности универсальной оппозиции весны и осени: «*Не жди его... / Осенняя пора уже пришла. / Чиста ее прохлада. / Прозрачны кроны лиственниц. / Вчера надела шапку снежная гора. / И солнце опечалилось. / Не надо, не жди его... / Весенняя листва / Упруга и сильна. Она не знает тягот. / Не жди его... Ведь осень и весну / Не зря в природе разделяет лето. / Не жди его... Вам с ним не по пути...*» (с. 98, перевод А. Черевченко).

Может расцениваться и как неслучайная авторская апелляция к «Ты»-субъекту. Это одна из пространственных в стихотворениях А. Кымытваль коммуникативных стратегий, сопровождающих любовную рефлексию лирической героини.

Интересно, что в художественном мире А. Кымытваль практически не встречаются развернутые картины гармоничных любовных отношений между женщиной и мужчиной. Поэтически представленные психологические сюжеты – это любовь через боль, преодоление стереотипов и запретов, навязываемых традиционным чукотским укладом и советским обществом с линейными семейными моделями. Лирическая героиня, как правило, отвергает ценности «своего» большинства. Она хочет обычного женского счастья, нацелена на стабильные отношения с партнером – но в итоге не может совладать с собой. Ей нужны острые ощущения, ее привлекают сложные траектории любви, «питают» непрекращающиеся внутренние конфликты, не беспокоят осуждающие взгляды со стороны. Героиня выбирает радости страдания.

Необходимо заметить, что начиная со второй половины 1970-х – начала 1980-х годов в советских национальных литературах происходит усиление позиций женской лирики, развивающейся в сторону тематической гибкости, большей психологической свободы. В этом плане в творчестве А. Кымытваль просматриваются важные тенденции развития, художественного «раскрепощения» литератур народов России.

Как уже подчеркивалось, в любовных стихах Антонины Кымытваль нередко встречается образно-ассоциативная перекличка психологического, чувственного и природного. Иногда такой параллелизм кажется спонтанным, в сюжетно-смысловом плане недостаточно согласованным. И вместе с тем подобные художественно-семантические «разрывы» могут трактоваться как проявление особой лирической экспрессии, женской впечатлительности, трагичности переживаемого: *«Покатилась брусника с куста. / Цвиркнул птенец, / Проклюнув яйцо. / Я ищу дорогое лицо, / Но в глаза мои бьет пустота...»* (с. 96, перевод М. Эдидович); *«Наливаются тучи свинцом, / И брусника поспела уже, / И давно уже стало птенцом / То яйцо, что нашли мы в гнезде...»* (с. 104, перевод А. Черевченко).

Образ созревающей (созревшей) брусники, мотив зарождения новой жизни (гнездо – яйцо – птенец) символически обозначают нетерпение, любовное томление, разочарование, продолжение жизни без возлюбленного, одиночество женского чувства.

Антонина Кымытваль относится к когорте писателей, которых волновала экологическая проблематика. Примечательно, что чукотская поэтесса обратилась к этой теме еще в советские годы, когда у национальных писателей Севера и Дальнего Востока не было принято поднимать острые вопросы, неудобные сюжеты, контрастирующие с позитивной советской картиной мира. Яркий пример художественной экологической реакции – стихотворение «Земли не щадим». А. Кымытваль с присущей ей откровенностью, эмоциональностью, образностью пытается обрисовать происходящие с родной тундрой страшные изменения. Тундра представлена как живая экосистема, она стонет, подает тревожные сигналы. В произведении автор прибегает к использованию негативизирующей символики (холодная черная ночь, дождь и др.), создающей атмосферу беспросветности, необратимости случившегося:

«Ночь. / Холодная черная ночь. / Дождь. / И стон поздний ливень пронзает. / Чей? / Это тундра взывает, / Тундра стонет в крошеиной ночи, / Заклейменная черным кострищем, / Захламленная смрадным ржавищем, / В вездеходных, крест-накрест, следищах, / Обнаженная эмнун кричит...» (с. 76–77, перевод М. Эдидовича).

Оставленная переводчиком чукотская лексема **эмнун** в структуре текста не кажется случайной: по всей вероятности, таким образом получает усиление авторская позиция, обозначается особый статус локуса (тундры), косвенно подчеркивается общеэтническое значение экологической трагедии.

Антонина Кымытваль в своих произведениях воспеваает родной край. Чукотка, Анадырь, тундра и как конкретные локусы, и как важные бытийственные символы, запускающие механизмы культурной и индивидуальной памяти, встречаются в большом количестве стихотворений чукотской поэтессы. В ее художественном мире хронотопы четко подразделяются на «свои» и «чужие». Пространство Севера, горизонты тундры символизируют собой этнические, духовные истоки. Лирической героине А. Кымытваль, оторванной от дома жизненными обстоятельствами, постоянно хочется вернуться назад, к своим, вновь стать своей на родной земле. Потребность в «своем» особенно остро проявляется, когда во круг чужое пространство, другие люди, неродной язык: *«Вглядываясь в тысячи встречных лиц, / Вслушиваясь в тысячи голосов, / Пристально рассматривая каждый лист, / Каждую былинку чужих лесов, / Хочешь знакомые встретить черты, / Услышать хоть вздох на родном языке, / Ягеля приземистые кусты / Тронуть от мест родных вдалеке. / Ты к востоку лицом обернись – / Ветер Чукотки поет: Вернись! / Солнце Чукотки дарит рассвет – / Нашу улыбку и наш привет...»* (с. 32–33, перевод А. Черевченко).

Автор убежден, что на Чукотку рано или поздно вернуться все: *«Прилетит, / Прилетит он – / Твой милый друг. / На Чукотку / Все возвращаются...»* (с. 35, перевод А. Пчелкина).

Столица Чукотки – Анадырь – одна из постоянных точек внутреннего притяжения лирического «Я». Это город-судьба, от которого рожденным на чукотской земле не уйти. В урбанистическом стихотворении «Анадырь» город уникален своим горизонтом. Переехавшие в большие города и отлученные от своей исторической родины люди

мысленно, «виртуально» регулярно возвращаются на Чукотку, в маленький далекий-близкий Анадырь: *«Горизонт – это то, что несем сквозь года / Мы, свободные дети суровой земли. / Горизонт – это то, что мы видим всегда, / То, что близко душе, то, что вечно вдали. / И когда мы идем по большим городам, / И когда начинаем свой дом забывать, / Неуютно, тревожно становится нам / Оттого, что нельзя горизонт увидеть. / Это значит – пора, к морю, в тундру, туда, / Где стоит мой Анадырь, ставший нашей судьбой...»* (с. 55, перевод А. Червеченко).

В творчестве А. Кымытваль звучит тема вынужденного, мучительного расставания с Чукоткой. В чужих мегаполисах, в иных климатических условиях чукотскому этнофору, с рождения «запрограммированному» на совершенно другой уклад жизни, приходится терпеть, выживать, пребывать в постоянном напряжении, изматывающем состоянии привыкания, поиска себя нового.

Стихотворение «Песня, принесенная весной» (с. 71–73) – о внутренних разрывах между прошлым и настоящим, желаемым и действительным. Лирическая героиня не рада ранней московской весне – это другая пугающая весна, которую северный человек не может принять до конца. Для него жизнь в большом городе – непроходящая душевная усталость, непрекращающееся сопротивление среды: *«Очень устала я от тоски по дому... / Я очень устала в дыму. / Я устала в дому / Из многих домов, / Закрывших черту горизонта... / От грома, от грохота, от гуденья устала я, / Душа так истаяла, так незнакомо устала. / Ногам нестерпимо ходить по тяжелому камню, / Нечаянный звук ударяет по нервам, как плеть... / Не прихоть – века меня за руку тянут туда, / Где звезды кочуют. Луна, племена и стада...»* (с. 78, перевод Р. Добровенского).

Тема сохранения «своего» под давлением «чужого» получает продолжение в серии стихотворений, отмеченных авторской актуализацией чукотского этнографического кода. Так, фигурка божества Пеликена (с. 25–26) вдали от «этнического Дома» дает лирической героине ощущение духовной сопряженности со своим народом, его культурой. Тексты «Гости в стойбище» (с. 67–68) и «Приглашение к чаю» (с. 69–70) дают развернутое представление о национальных традициях встречи гостей, демонстрируют обыкновения чукотского этикета. Однако тек-

стов такого плана у Антонины Кымытваль немного. Поэт почему-то уходит от потенциально увлекательных и ярких художественных этнографизмов. Для него основной приоритет – психология женской любви.

Заключение

В ходе исследования были установлены и проанализированы важные художественные особенности поэзии А. Кымытваль – поэтически оригинальное раскрытие темы любви, широкое распространение «феминных» психологических мотивов, повсеместное наличие этнокультурно маркированных образно-ассоциативных цепочек. Выявлено, что одной из ключевых, драматизирующих мировоззрение лирической героини оппозиций является оппозиция своего / чужого.

Показательно, что Антонина Кымытваль сохранила верность родному языку. Чукотский язык ее произведений, с одной стороны, отмечен поэтической актуализацией глубинного фольклорно-мифологического начала – поэт воспроизводит многие сложные для стороннего понимания культурные сюжеты. С другой, характеризуется значительным авторским присутствием – А. Кымытваль впервые в истории чукотской литературы, языка в своих стихотворениях создает особую психологическую концептосферу, придает отдельным образам усиленное, а иногда – совершенно новое – психоэмоциональное звучание.

Интересно, что А. Кымытваль нельзя отнести к поэтам, филигранно, оригинально поэтизирующим миры природы. У нее лишь в единичных случаях встречаются колоритно изображенные северные ландшафты, внешний северный мир только изредка получает целостное и нетривиальное лирическое представление.

В истории, иерархии чукотской словесности Кымытваль не первая и не последняя. При этом она открывает новые страницы национальной поэзии, приглашает к новым сюжетам.

Давая общую оценку поэтическому творчеству Антонины Кымытваль, ее можно назвать чукотской Цветаевой, одновременно продолжающей свою художественную традицию и при этом «разбивающую» исходные в данной этнокультуре нормы коммуникативного поведения и эмоциональной рефлексии.

1. Балданмаксарова Е. Е. Жанр жития в бурят-монгольской литературе XVIII – начала XX вв. // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7. № 2. С. 232–247. DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-232-247>
2. Барабаш Ю. Я. Чужое-Иное-Свое = Alien-other-own: к проблематике этнокультурного пограничья. М. : ИМЛИ РАН, 2021. 336 с.
3. Бахтикиреева У. М. Георгий Гачев и его метод мышления: меня человека и мир // *Новые исследования Тувы*. 2024. № 4. С. 6–19. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.1> (дата обращения: 04.02.2025).
4. Бахтикереева У. М. Творческая билингвальная личность: национальный русскоязычный писатель и особенности его русского художественного текста. М. : Триада, 2005. 192 с.
5. Дампилова Л. С. Феномен билингвизма в современной поэзии народов Сибири // *Сибирский филологический журнал*. 2015. № 3. С. 196–202. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24123682> (дата обращения: 03.02.2025).
6. Донгак У. А. Новаторство писателя-билингва Эдуарда Мижита (тувинская поэзия) // *Полилингвильность и транскультурные практики*. 2020. Т. 17. № 4. С. 462–474. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2020-17-4-462-474>
7. Жулева А. С. Мифопоэтическая модель мира в ненецкой литературе. М. : ИМЛИ РАН, 2019. 328 с.
8. Загидуллина Д. Ф. Синтетизм в современной татарской прозе // *Полилингвильность и транскультурные практики*. 2024. Т. 21. № 3. С. 469–481. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sintetizm-v-sovremennoy-tatarskoj-proze> (дата обращения: 07.02.2025).
9. Кучукова З. А. Онтологический метакод как ядро этнопоэтики : (Карачаево-балкарская ментальность в зеркале поэзии). Нальчик : Издательство М. и В. Котляровых, 2005. 312 с.
10. Лагунова О. К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги). Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2007. 258 с.
11. Мифологема горного духа в художественной картине мира Ч. Т. Айтматова, К.-Э. Кудажы и С. К. Тока / Н. В. Поморцева, С. В. Красильникова, М. Д. Тагаев, М. С. Чинлода, А. Э. Эрнисова // *Новые исследования Тувы*. 2024. № 1. С. 88–103. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.6>
12. Пошатаева А. В. Литературы народов Севера. Истоки. Становление. Развитие. М. : Наука, 1988. 167 с.
13. Султанов К. К. От Дома к Миру. Этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог. М. : Наука, 2007. 302 с.
14. Султанов К. К. Угол преломления. Литература и идентичность: коммуникативный аспект. М. : ИМЛИ РАН, 2019. 352 с.
15. Хазанкович Ю. Г. Эпические традиции в прозе коренных малочисленных народов Арктики. М. : Флинта, 2020. 416 с.
16. Хараева Л. Ф., Кучукова З. А. Гендер и этногендер (на материале кабардинской женской прозы). Нальчик : Принт Центр, 2018. 192 с.

Статья поступила в редакцию 09.07.2025 г.; одобрена после рецензирования 11.08.2025 г.; принята к публикации 08.09.2025 г.

Об авторе

Арзамазов Алексей Андреевич

доктор филологических наук, заведующий лабораторией многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии, Казанский научный центр РАН (420111, Российская Федерация, г. Казань, ул. Лобачевского, д. 2/31); профессор кафедры русистики, этноориентированной педагогики, цифровой дидактики Института русского языка, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7577-5917>, arzami@rambler.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Baldanmaksarova E. E. Zhanr zhitiya v buryat-mongol'skoi literature XVIII – nachala XX vv. [Hagiographic genre in the Buryatmongolian literature of 18th – early 20th centuries]. *Studia Litterarum*, 2022, vol. 7, no. 2, pp. 232–247. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-232-247>
2. Barabash Yu. Ya. Chuzhoe-Inoe-Svoe = Alien-other-own: k problematike etnokul'turnogo pograniich'ya [Alien-other-own: on the problematic of ethnocultural borderland]. M., IMLI RAN Publ., 2021, 336 p. (In Russ.).
3. Bakhtikireeva U. M. Georgii Gachev i ego metod myshleniya: menyaya cheloveka i mir [Georgy Gachev and his Method of Thinking: Changing man and the World]. *Novye issledovaniya Tuvy = New Research of Tuva*, 2024, no. 4, pp. 6–19. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.1>
4. Bakhtikireeva U. M. Tvorcheskaya bilingval'naya lichnost': natsional'nyi russkoyazychnyi pisatel' i osobennosti ego russkogo khudozhestvennogo teksta [Creative bilingual personality: national Russian-speaking writer and features of his Russian literary text]. M., Triada Publ., 2005, 192 p. (In Russ.).

5. Dampilova L. S. Fenomen bilingvizma v sovremennoi poezii narodov Sibiri [The phenomenon of bilingualism in modern poetry of the peoples of Siberia]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* = Siberian Journal of Philology, 2015, no. 3, pp. 196–202. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24123682> (accessed 03.02.2025). (In Russ.).
6. Dongak U. A. Novatorstvo pisatelya-bilingva Eduarda Mizhita (tuvinskaya poeziya) [New Poetic Methods in the Literary Imagination of the Bilingual Writer Eduard Mizhit (Tuvan Poetry)]. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki* = Polylinguality and Transcultural Practices, 2020, vol. 17, no. 4, pp. 462–474. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2020-17-4-462-474>
7. Zhuleva A. S. Mifopoeticheskaya model' mira v nenetskoj literature [Mythopoetic model of the world in Nenets literature]. M., IMLI RAN Publ., 2019, 328 p. (In Russ.).
8. Zagidullina D. F. Sintetizm v sovremennoi tatarskoj proze [Synthetism in Modern Tatar Prose]. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki* = Polylinguality and Transcultural Practices, 2024, vol. 21, no. 3, pp. 469–481. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sintetizm-v-sovremennoy-tatarskoj-proze> (accessed 07.02.2025). (In Russ.).
9. Kuchukova Z. A. Ontologicheskii metakod kak yadro etnopoetiki : (Karachaevo-balkarskaya mental'nost' v zerkale poezii). [Ontological metacode as the core of ethnopoetics : (Karachay-Balkar mentality in the mirror of poetry)]. Nalchik, Publishing House of M. and V. Kotlyarovykh, 2005, 312 p. (In Russ.).
10. Lagunova O. K. Fenomen tvorchestva russkoyazychnykh pisatelei nentsev i khantov poslednei treti XX veka (E. Aipin, Yu. Vella, A. Nerkagi) [The phenomenon of creativity of Russian-speaking writers of the Nenets and Khanty peoples of the last third of the 20th century (E. Aipin, Yu. Vella, A. Nerkagi)]. Tyumen, Tyumen University Publishing House, 2007, 258 p. (In Russ.).
11. Pomortseva N. V., Krasilnikova S. V., Tagaev M. Dzh., Chinloda M. S., Ernisova A. E. Mifologema gornogo dukha v khudozhestvennoi kartine mira Ch. T. Aitmatova, K.-E. Kudazhy i S. K. Toka [The mythologeme of the mountain spirit in the artistic picture of the world by Ch. T. Aitmatov, K.-E. Kudazhy and S. K. Toka]. *Novye issledovaniya Tuvy* = New Research of Tuva, 2024, no. 1, pp. 88–103. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.6>
12. Poshataeva A. V. Literaturny narodov Severa. Istoki. Stanovlenie. Razvitie [Literatures of the Peoples of the North. Origins. Formation. Development]. M., Science Publ., 1988, 167 p. (In Russ.).
13. Sultanov K. K. Ot Doma k Miru. Etnonatsional'naya identichnost' v literature i mezhkul'turnyi dialog [From Home to the World. Ethnonational identity in literature and intercultural dialog]. M., Science Publ., 2007, 302 p. (In Russ.).
14. Sultanov K. K. Ugol prelomleniya. Literatura i identichnost': kommunikativnyi aspekt [Angle of refraction. Literature and identity: communicative aspect]. M., IMLI RAN Publ., 2019, 352 p. (In Russ.).
15. Khazankovich Yu. G. Epicheskie traditsii v proze korennykh malochislennykh narodov Arktiki [Epic traditions in the prose of indigenous peoples of the Arctic]. M., Flinta Publ., 2020, 416 p. (In Russ.).
16. Kharaeva L. F., Kuchukova Z. A. Gender i etnogender (na materiale kabardinskoi zhenskoi prozy) [Gender and ethnogender (based on Kabardian women's prose)]. Nalchik, Print Tsentr, 2018. 192 p. (In Russ.).

The article was submitted 09.07.2025; approved after reviewing 11.08.2025; accepted for publication 08.09.2025.

About the author

Aleksey A. Arzamazov

Dr. Sci. (Philology), Head of the Laboratory of Multifactorial Humanitarian Analysis and Cognitive Philology, Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (2/31 Lobachevsky St., Kazan, 420111, Russian Federation); Professor of the Department of Russian Studies, Ethnic Oriented Pedagogy, Digital Didactics, Institute of the Russian Language, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, (10 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198 Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7577-5917>, arzami@rambler.ru

The author has read and approved the final manuscript.